

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1 '373.612.2

РУССКАЯ МЕТАФОРА В ДИАХРОНИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ПЕРЕНОСОВ В ПРЕДМЕТНОЙ СФЕРЕ

Л. В. Балашова

Саратовский государственный университет
E-mail: sartheorlingv@yandex.ru

В статье выявляются основные тенденции в развитии русской предметной метафорической подсистемы; дается семантическая и когнитивная характеристика основных моделей метафоризации в диахронии.

Ключевые слова: русская метафора, диахрония, метафорические модели.

Russian Metaphor in Diachrony: Major Trends in the Development of Transfers in the Object Sphere

L. V. Balashova

In the article major tendencies in the development of the Russian object metaphorical subsystem are elicited; semantic and cognitive description of the main metaphoric models in diachrony is presented.

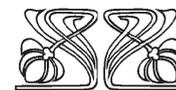
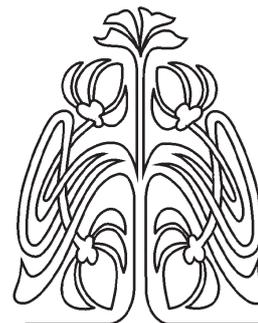
Key words: russian metaphor, diachrony, metaphoric models.

По мнению большинства современных исследователей¹, метафоризация выступает в качестве мощного средства номинации элементов предметного мира (общим свойством этого типа переноса является единство онтологии первичного и вторичного предметов номинации²), но системность и когнитивный потенциал такого рода переносов не велик или полностью отсутствует, поскольку он в основном «покрывает лакуны в словаре буквальных наименований (или, по крайней мере, удовлетворяет потребность в подходящем сокращенном названии)»³. В связи с этим именно здесь метафора «не нужна как идеология, но она необходима как техника»⁴, а «значение идентифицирующей метафоры не есть продукт семантического синтеза, приводящего к появлению нового объекта, но отображение свойств уже существующей реалии»⁵.

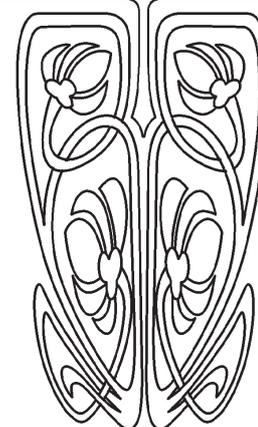
Вместе с тем, как показал наш анализ русских исторических словарей⁶, текстов различного типа XI – начала XXI в., на протяжении всего исторического периода развития русского языка сам процесс формирования переносных значений связан с действием определенных семантических моделей, удивительно устойчивых в диахронии.

Например, артефактная модель небесных и атмосферных явлений на базе пространственного сходства искусственных и естественных реалий: XI–XIV вв. – *стропь* ‘небесный свод’ (от ‘кровля’); *копье* ‘комета’; XV–XVII вв. – *пороша, крупа* ‘снег’; XVIII в. – *солнечная корона, завеса тумана, флер ночи*; современный русский язык – *озоновая дыра*. Характерно, что и нестабильные во времени члены данной метафорической подсистемы имеют однотипную мотивацию.

Так, на протяжении всего исторического периода развития русского языка с XI по XXI в. лексика, характеризующая различные виды ткани, служащие для завешивания чего-либо, способна характеризовать атмосферные явления, но в разные периоды используются разные лексемы из этой ЛСГ (ср.: XI–XIV вв. – *закровь*; XVIII–XXI вв. – *завеса*).

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Наличие подобных моделей позволяет сделать вывод о том, что метафоризация является не только средством наименования, но и одним из способов формирования восприятия мира человеком, мировидения. Выделив конкретные реалии, «наше языковое сознание классифицирует и структурирует их»⁷.

Процесс этот свойственен языку изначально. Так, В. Н. Топоров, реконструируя архаическую модель мира на примере идеи пространства, отмечает, что древнему человеку было свойственно в процессе номинации «освоение», «обживание» пространства: «Некогда в начале творения пространство было простерто, разбросано повсюду (уровень Творца в чистом виде). Но через мир вещей и через человека (последующий уровень творца вещей) пространство собирается как иерархизованная структура соподчиненных ему смыслов. Для этой эпохи вместо непрерывности и сплошной протяженности гомогенного пространства реконструируется представление о разнородном и, так сказать, “корпускулярном” пространстве с разной ценностью (значимостью) его частей»⁸.

В частности, в метафоризации это проявляется в «очеловечивании вселенского пространства через его связь с членами тела» (*подножие горы, устье реки*)⁹, восприятию рельефа через части тела человека и животного¹⁰. Такое положение сохраняется в дальнейшем, причем это свойственно как метафорической, так и неметафорической номинации. Таким образом, «картина пространства в русском языковом сознании не сводима ни к какому физико-геометрическому прообразу: пространство не является простым вместилищем объектов, а скорее наоборот – конструируется ими и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам»¹¹.

Однако, как показал наш материал, указанное свойство можно распространить и на другие категории предметного мира. На протяжении всего периода развития метафоризация выполняет функцию классификации, дифференциации и упорядочения наших представлений о мире вне нас. Не случайно основным направлением развития регулярных переносов является создание общих, но дифференцированных характеристик формы, цвета, движения, положения в пространстве, звука, ощущений и т. п.

В основе общей модели переноса «элемент предметного мира → элемент предметного мира» лежит систематизация самих оснований, модулей сравнения, то есть признаков, задающих область сходства основного и вспомогательного субъектов сравнения.

При этом процесс метафорической номинации близок к общему явлению выбора мотивирующего признака (внутренней формы) в процессе словообразовательной деривации (ср.: *плесень* ‘нечто серое’, *краснушка* ‘нечто красное’). Это вполне закономерно, поскольку любой процесс

номинации реалий предметного мира связан с классификационной деятельностью человека на основе чувственного опыта – восприятия формы, размера, цвета объекта и т. д. Метафора выступает как одно из проявлений этой деятельности.

Наиболее стабильными в диахронии и регулярноными в синхронии являются денотативные визуальные характеристики, прежде всего:

- обобщенная характеристика формы, размера, графического рисунка предмета или его части (ср.: *жеравьць* ‘сооружение для подъема моста’; *чаишка* ‘название крюкового знака’; *котька* ‘якорь’; *рогатць* ‘змея’ – в XI–XIV вв.; *кошельки*, *лапки* ‘серьги’; *репка* ‘резное украшение’; *рогуля* ‘крендель’; *голова сахара* – в XV–XVII вв.; *горшок* ‘полюй снаряд’; *гранатка* ‘чугунный разрывной снаряд’; *гребенчик* ‘растение’; *арка* ‘мат. дуга’; *ветвь* ‘мат. часть кривой линии’; *ветви кровеносных сосудов*; *змейка* ‘игрушка’; ‘трава с овальным колоском’; *ери* ‘гвоздь, болт с зазубринами’ – в XVIII в.; *барашки облаков*, *барашки ив*, *гайка-барашек*, *язык колокола*, *языки пламени*, *язычок ботинка*, *барабан револьвера* – в XIX–XXI вв.);

- положение предмета или его части в пространстве (ср.: *рть града*; *дно* (судна); *аирь*, *воздох* ‘покров для церковного сосуда’; *лице* ‘передняя часть чего-либо’; *голова* ‘верхняя часть чего-либо’; *путь* (земли) – в XI–XIV вв.; *кожа* ‘оболочка’, ‘корка плода’; *затылок* ‘оборотная сторона документа’; *рыло* ‘носик сосуда’ – в XV–XVII вв.; *голова у шляпы*, *лапчатая голова*, *голова груши*, *затылок скамьи*, *дупло зуба*, *зеленый ковер* ‘о растительности’, *уста фонтана* – в XVIII в.; *голова колонны*, *кора/мантия Земли*, *снежное одеяло*, *венец горы*, *крыло автомобиля* – в XIX–XXI вв.);

- световая и цветовая характеристика (ср.: *вороньць* ‘лошадь вороной масти’ (наименование дано по цвету оперения птицы); *кrapина* ‘пятнышко другого цвета на чем-либо’; *пламя* ‘радуга’ – в XI–XIV вв.; *жабикь* ‘драгоценный камень багрового цвета’; *искра* ‘драгоценный камень’; *леденець* ‘сорт бисера, жемчуга’ – в XV–XVII вв.; *гранат* ‘драгоценный камень’; *бриллиант* ‘о каплях росы, дождя’; *воздух* ‘прозрачная материя’; *гагара* ‘о смуглом человеке’; *жемчуг вод* – в XVIII в.; *бабочка-огневка*; *змея-радуженица*; *дымка* ‘прозрачная ткань’; *румяный* ‘поджаренный’; *зебра* ‘пешеходная дорожка’ – в XIX–XXI вв.).

Помимо визуальных достаточно стабильно, хотя не столь регулярно, в диахронии в качестве модуля сравнения выступают денотативные тактильные, кинетические и звуковые характеристики.

Следует отметить, что использование одного признака как модуля сравнения нетипично для метафорической системы как в прошлом, так и в настоящем. Обычно номинация связана с комплексом признаков, причем и здесь есть определенные закономерности.

Наиболее регулярно такой комплекс включает, например, характеристику формы и положения предмета в пространстве (ср.: *нось* (корабль/челюк); *хвост* (кометы); *чело* (печи); *ухо* (сосуда); *попья* 'радуга'; *нога* 'подставка' – в XI–XIV вв.; *взносок* (ендовы); *перо* 'чешуйка хмеля', 'часть паникадила', 'деталь ружья'; *носатка* 'посуда'; *кокошник*; *лепесток* 'рукоятка в виде лопасти' – в XV–XVII вв.; *батарея лейденских банок*; *грива/хребет/гребень волны*; *борода кометы*; *власы* 'солнечные лучи'; *хвостик растения*; *бесхвостой пестик* – в XVIII в.; *ядро Земли*; *кора головного мозга*; *нос/хвост самолета*; *хвост очереди*; *коридор в горах* – в XIX–XXI вв.

При этом выбор системы признаков, на основе которых происходит номинация, во многом опирается на специфику основного субъекта. Так, графические знаки обычно содержат в качестве символа метафоры чисто визуальные характеристики предмета (ср.: *мечик*, *змища*, *кудри*, *облако*, *чашка*, *очко*, *кубь*, *шахматы* – в истории русского языка; *звездочка*, *птичка*, *змея*, *клетка*, *крючок*, *корень*, *сетка*, *стрелка*, *палочка*, *елочка* – в современном русском языке).

Характеристика рельефа и пространственной ориентации предмета обычно включает указание на форму и/или положение в пространстве (ср.: *изголовье*, *зашеек*, *рукавь*, *крыло*, *рука*, *чело* – в истории русского языка; *ветка*, *седловина*, *цирк*, *дельта*, *кови*, *крыло* – в современном русском языке).

Вместе с тем процесс номинации отражает специфику древних представлений о строении мира и о взаимосвязи его элементов, причем в основе таких представлений часто лежит мифологическая система древнего человека. В частности, это проявляется в представлении воздушного пространства как свода¹². Не случайно во вторичном переносе, отмеченном в памятниках XI–XIV вв., *въздухъ*, *аирь* обозначают 'покров для сосуда'.

Кроме того, как отмечают многие исследователи, номинация в древности непосредственно была связана с мифологической деятельностью.

В частности, к мифологическим представлениям (через систему антропонимов, зоонимов и др.) восходят наименования природных явлений, бытовых предметов, утвари, болезней и др.¹³ Например, *баба* 'укладка снопов', 'наименование кондитерских изделий' – восходит к ритуалу посвящения части урожая, жертвенной пищи предкам; *жаба* 'ангина, болезнь горла' – основывается на языческих представлениях о мифическом животном, проникающем в тело человека и не дающем ему дышать; *попья* 'радуга' – зиждется на древних мифологических представлениях о поясе и радуге как символе силы и мощи; *коза* 'полоса, которую пропалывает полольщица' связана с мифическим представлением о зооморфном духе, покровителе засеянного поля.

В специальном исследовании праславянской зооморфной лексики Г. А. Цыхун выявляет, что

общим для большинства праславянских метафор является признак 'мифологический'; более того, «метафоры, мотивируемые этим признаком, занимают ключевое место среди других метафор, образованных от названия определенного животного»¹⁴.

Однако, как нам представляется, отнесенность к мифологическим представлениям не обуславливает автоматического отнесения соответствующих номинаций к метафорическим. Безусловно, основанные на мифологических представлениях номинации, попадая в лексико-семантическую систему языка, начинают подчиняться действию основных деривационных отношений, которые существуют в ней, а это может быть как метафорический, так и метонимический тип деривации. Как отмечалось рядом исследователей¹⁵, на ранних стадиях развития языка метонимический тип мышления в целом превалирует над метафорическим.

Как нам кажется, наименования *баба*, *коза* и некоторые другие из приведенных выше примеров в большей степени связаны с метонимическим типом переноса, отчасти с синекдохой. Для отнесения той или иной номинации к метафорической в семантической структуре лексемы должен быть отражен ассоциативный вид связи, основанный на общих принципах визуального, тактильного и других типов сходства, отмеченных в общей системе переносов в рамках предметного мира (ср.: *попья*, *волчанка*). В данном случае мифологическая и ассоциативная классификационная деятельность человека пересекаются, поддерживают друг друга, обуславливают национальную специфику определенных метафорических моделей.

Другой особенностью функционирования метафоры на ранних этапах развития языка является ее меньшая структурированность в пределах семантической структуры слова по сравнению с современным состоянием языка. Большая диффузность семантики наиболее наглядно проявляется в системе глагольной лексики, однако в известной степени это присуще и имени. Во многом данное свойство связано с особенностями мышления, меньшей дифференциацией явлений предметного мира, что отражается и на денотативной неопределенности семантики слов.

Как отмечают исследователи, «на более низком уровне в средние века было знание явлений природы. Мышление людей того времени формировало отражение природных фактов иначе – в иные понятийные ядра слов, чем сейчас; различие заключалось прежде всего в меньшей дифференциации целого ряда понятий, которые образовывали понятийные ядра естествоведческих терминов»¹⁶.

Следует заметить, что это не свидетельствует об отсутствии логического противопоставления реальных объектов в предметном мире (ср.: «во все времена существовал этап логического мышления; <...> древние мифы, отложившиеся

некогда в каких-то символах, также представляют собою всего лишь остатки законченного в свое время цикла движения смыслов через образ и понятие»¹⁷).

Возможность другого типа организации семантической структуры слова и большая диффузность семантики обуславливают необходимость уточнить этапы в функционировании метафоры. В частности, выделяемые этапы (живая – генетическая) четко проявляются только лишь для метафоры как образного средства языка.

Если рассматривать метафоризацию как деривационный процесс в общей системе языка, то в истории развития конкретной лексической системы может отсутствовать экспрессивный компонент. Более того, часто рассматриваемые в современном русском языке как генетические метафоры типа (ср.: *дождь идет; трамвай стоит*), исходя из начальной диффузности семантики подобных слов, образного компонента не могли иметь принципиально. Переосмысление таких употреблений как метафор связано с сужением их первичного значения, с усилением его денотативной определенности, а главное – с включением этих номинаций в общую систему регулярных метафорических моделей, формирующихся в языке.

Продуктивность использования конкретных семантических парадигм в качестве источника метафоризации и регулярности пополнения семантических полей метафорическими производными достаточно подвижны во времени и во многом определяются действием экстралингвистических факторов. Но стабильно продуктивным остается сам принцип номинации реалий предметного мира через ассоциации с другими реалиями на основе ассоциативно выявленного сходства.

Вместе с тем в целом в номинации элементов предметного мира метафора не занимает доминирующего положения на протяжении всего исторического периода развития русского языка. Она включена в общую систему наименований наряду с другими средствами, в большей или меньшей степени подчинена ей. Формирование и развитие конкретных регулярных моделей переноса во многом определяются тем участком лексики, в пределах которого функционирует метафора, его частеречной принадлежностью.

Включение метафоризации в общую систему средств номинации элементов предметного мира препятствует созданию собственной, метафорической картины мира в пределах этой системы. Однако некоторые тенденции в этом направлении прослеживаются, причем с развитием языка они проявляются все отчетливее. Прежде всего, это относится к стремлению противопоставить живое неживому, животное – человеку.

Наиболее ярко данная закономерность проявляется в оценочной (образной) метафоре (номинация человека и частей его тела через сопоставление с животными или неодушевленными

ми предметами, уподобление движения, звуков человека – движениям, звукам животных или неживой природы и др.). Однако именно в этой области метафорические наименования стремятся «выйти» за пределы предметной лексики и дать оценочную характеристику психическому, эмоциональному состоянию человека, оценить человека как личность и т. п., тем самым перейти на новый уровень обобщения, включиться в самый регулярный процесс в системе метафоризации в целом: от конкретного – к абстрактному.

Примечания

- ¹ См.: *Апресян Ю.* Образ человека по данным языка : попытка системного описания // *Вопр. языкознания.* 1995. № 1 ; *Арутюнова Н.* Функциональные типы языковой метафоры // *Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка* 1978. Т. 37, № 4 ; *Балаян Э.* Роль метафоры в формировании языковой картины мира (на материале современного молодежного жаргона) : автореф. дис.... канд. филол. наук. Саратов, 2006 ; *Баранов А.* О типах сочетаемости метафорических моделей // *Вопр. языкознания.* 2003. № 2 ; *Буянова О.* Универсальные и специфические черты процесса метафоризации // *Лингвистические исследования : К 75-летию профессора Владимира Григорьевича Гака.* Дубна, 2001 ; *Кривченко Е.* Классификация предметного мира, отраженная в свойствах лексики. Саратов, 1998.
- ² См.: *Клишин А., Фоянкова О.* Опыт описания универсальных семантических моделей пространственной метафоры (конкретное – абстрактное) // *Семантика и коммуникация.* СПб., 1996. С. 82.
- ³ *Блэк М.* Метафора // *Теория метафоры.* М., 1990. С. 159.
- ⁴ *Арутюнова Н.* Язык и мир человека. М., 1998. С. 374.
- ⁵ *Телия В.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // *Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира.* М., 1988. С. 193.
- ⁶ См.: *Словарь Академии Российской.* СПб., 1789–1794. Ч. 1–6 ; *Словарь-справочник «Слова о полку Игореве».* М. ; Л., 1965–1984. Вып. 1–6 ; *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)* : в 8 т. М., 1988–2008 ; *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.* М., 2000–2011. Вып. 1–4 ; *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1975–2011. Вып. 1–29 ; *Словарь русского языка XVIII в.* Л., 1984–2011. Вып. 1–19.
- ⁷ *Борщев В.* Естественный язык – наивная математика для описания наивной картины мира // *Московский лингвистический альманах.* М., 1996. Вып. 1. С. 204.
- ⁸ *Топоров В.* Пространство и текст // *Текст : семиотика и структура.* М., 1983. С. 242.
- ⁹ Там же. С. 244.
- ¹⁰ *Гиндин Л.* Проблемы лексикографии в словаре «Гесихия и этимология» // *Этимология.* 1984. М., 1986. С. 40–43.
- ¹¹ *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). М., 1994. С. 20–21.
- ¹² См.: *Немец И.* Раскрытие понятийного ядра слова при лексическом анализе языка древнего периода // *Этимология.* 1984. М., 1986. С. 156.

¹³ См.: Лукинова Т. Лексика славянского язычества // Этимология. 1984. М., 1986; Меркулова В. Славянское *žab-; прасл. *žarogъjъ 'высокий' // Этимология. М., 1963; Судник Т., Цивьян Т. К реконструкции одного мифологического текста в балто-балканской перспективе // Структура текста. М., 1980; Толстой Н. Славянская географическая терминология. М., 1969; Piškur M. Pomenska analiza besede baba // Jezik in slovstvo Ö. 1965. № 1.

¹⁴ Цыхун Г. К реконструкции праславянской метафоры // Этимология. 1984. М., 1986. С. 214.

¹⁵ См.: Колесов В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.

¹⁶ Гиндин Л. Указ. соч. С. 159.

¹⁷ Колесов В. Концепт культуры : образ – понятие – символ // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. История, языкознание, литературоведение. 1992. Вып. 3. № 16. С. 37.

УДК 811.161.1'37

РОЛЬ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ» В ФОРМИРОВАНИИ РУССКОЙ ИДИОМАТИКИ

К. Х. Наджим

Саратовский государственный университет
E-mail: kasim_hammad@yahoo.com

В статье анализируется степень продуктивности использования номинаций головных уборов в русской идиоматике. Выявляются основные принципы мотивации семантики фразеологизмов значениями лексем данного типа.

Ключевые слова: тематическая группа, русская идиоматика, семантика фразеологизма.

The Role of the Thematic Group «Hats» in the Formation of Russian Idiomatic System

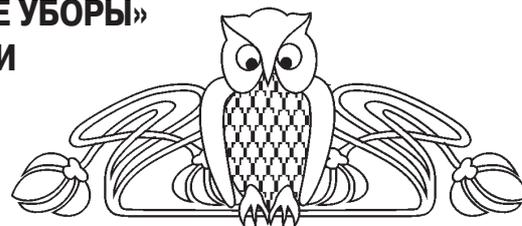
К. Н. Najim

The article analyzes the degree of how productively the headwear nominations are used in Russian idiomatic system. The main principles of motivation of semantics of phraseological units by meanings of lexemes of this type have been identified.

Key words: thematic group, russian idiomatic system, semantics of phraseological units.

По мнению большинства современных исследователей¹, предмет традиционной идиоматики должен быть существенно расширен в связи с общим антропологическим подходом к языку. Более того, именно фразеологический корпус является «благоприятным материалом» для лингвокогнитивного, лингвокультурологического анализа, «поскольку в нем концептуализированы не только знания о собственно человеческой, наивной картине мира и все типы отношений субъекта к ее фрагментам, но и как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры»².

В частности, большое внимание уделяется проблеме формирования семантики, соотношению актуального и этимологического значения, или внутренней формы, фразеологических единиц (далее – ФЕ): «...получаемая извне информация и хранимая в памяти в виде фразеологического значения представлена в виде разветвленной об-

разной системы, хранимой в виде моделей, контуров и очертаний, которые при необходимости обрабатываются языковым сознанием на основе выработанных в процессе познания ассоциативных схем мышления. Образные ассоциации являются неотъемлемыми элементами мышления на всех уровнях формирования фразеологического значения»³. С этой точки зрения нам показалось интересным проследить роль тематической группы (далее – ТГ) «Головные уборы» в формировании системы русских ФЕ.

Как показал анализ толковых, идеографических и фразеологических словарей русского языка⁴, члены ТГ «Головные уборы» достаточно активно используются во внутренней форме русских ФЕ (59 единиц). Это вполне закономерно, поскольку данная группа называет один из важнейших и постоянно используемых человеком видов артефактов, а идиоматика, как отмечают исследователи, является одним из ключевых способов отражения той части «внеязыкового мира, “предметы” которой оказываются духовно значимыми (для того или иного этноязыкового коллектива) ценностями, вербализованными» посредством ФЕ⁵.

В целом ТГ «Головные уборы» включает 123 лексические единицы, противопоставленные по ряду дифференциальных признаков:

- ‘артефакт в целом/часть артефакта’ (ср.: *фуражка, колпак – козырек, вуаль, фата*);
- ‘гендерное назначение артефакта (мужской, женский, детский)’ (ср.: *кепка* ‘мужской мягкий головной убор с козырьком’; *торбан* ‘высокая нарядная женская шляпа, похожая на высокий восточный убор’);
- ‘время бытования артефакта’ (ср.: *повойник* ‘старинный головной убор русских замужних крестьянок’);
- ‘место распространения артефакта’ (ср.: *самbrero* ‘в Испании и странах Латинской Америки: легкая широкополая шляпа’);